

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
Средняя общеобразовательная школа №2 р.п. Переяславка
муниципального района имени Лазо Хабаровского края

Сборник материалов
К тайнам «седой старины»
Петроглифы «Чертова Плеса»

Автор:
Учитель географии
Полякова Марина Николаевна

Сборник материалов для создания проектов, рефератов,
докладов учащимися, педагогами, преподавателями ВУЗов

1. Открытие петроглифов стр.3
2. Окладников о петроглифах стр.4
3. Особенность петроглифов - это тайна, которой окутана сама история их создания. Стр.17

Открытие петроглифов

К середине лета река уже далеко отступила от прежнего берега. Лишь по ровным, песчаным слоям на этих камнях видно - была тут немалая вода. Её упорство со временем всё сильнее обтачивает каменные развалины. И сколько сил и труда надо, чтобы собрать воедино знаменитые петроглифы Сикачи-Аляна, чтобы заставить «заговорить» древнюю мозаику с каждым, кто сюда придёт ...

Впервые сообщение о Сикачи-Алянских писаницах сделал П.И. Ветлицин в «Приамурских ведомостях» в 1895 году. А спустя четыре года известный американский востоковед Б. Лауфер в специальной заметке о петроглифах Амура писал: «К несчастью, большинство петроглифов так сглажено временем, что было невозможно сделать на месте хорошие фотографии».

Огромная научная ценность петроглифов побудила Лауфера сделать попытку спилить рисунки для отправки их в Америку. И только отсутствие необходимых инструментов остановило его. Но Лауфер не вернулся долгой пустыми руками: камень, который он тогда всё же увёз с собой, находите, сейчас в одном из этнографических музеев Нью-Йорка.

Если американский учёный первым, описал для науки Сикачи-Алянские писаницы, то честь открытия их тайны принадлежит, академику Герою Социалистического Труда Алексею Павловичу Окладникову. В его книге «Лик древнего Амура», вышедшей в 1968 году и посвященной исследованию Сикачи - Алянских петроглифов, говорится: «Коренные народности Амура и культура имеют глубокие исторические корни на своей земле. Они являются, наследниками созданной их предками оригинальной, и по-своему высокой в те конкретных исторических условиях художественной культуры замечательными памятниками, которой являются описанные выше наскальные изображения Сикачи-Аляна. ...Истоки художественного достояния нанайцев, их соседей лежат в самой амурской земле».

Некогда базальтовые обнажения, расписанные человеком, находились дале-

ке от воды. Но Амур, меняя своё русло и прорывая новые протоки, приблизился к ним, подмыл каменные глыбы, и многие из них рухнули в воду. Река продолжает разрушать уникальный памятник истории.

Вдобавок Сикачи-Алян само по себе живописное место, и многие из жителей края приезжают сюда просто отдохнуть. Зачастую такие отдыхающие даже и не знают, что это охраняемая законом территория археологического памятника республиканского значения. Тут нет ни указателей, ни предупредительных знаков. Нет здесь поблизости также ни мусорных ящиков, ни туалета.

Периодически затапливающая камни вода не спасает их от мусора и грязи. Наоборот, нашлаивая песок, она лишь усугубляет бедственное положение петроглифов: их уже трудно рассмотреть в полной мере и что-то понять, если рядом нет хорошего специалиста.

Рыбаки чалят к камням тросами свои лодки. На камнях не только выбоины, но и многочисленные «творения» наших «старательных» современников, пытающихся подражать древним, художникам....

Алексей Павлович Окладников пытался создать в Сикачи-Аляне музей петроглифов под открытым небом. До последних дней своей жизни учёный верил, надеялся, что получивший мировую известность памятник не останется без заботы и внимания.

Однако, увы, со времён академика А.П. Окладникова, несмотря на то, что вопрос об охране памятника не раз поднимался и в центральной, и в местной печати, положение в лучшую сторону не изменилось.

Окладников о петроглифах.

Искусство амурских народностей, впервые описанное в фундаментальной монографии Бертольда Лауфера, а также в капитальном труде А.И. Шренка, неизменно продолжает привлекать внимание исследователей и в наше время. На протяжении более чем ста лет с начала исследований Л.И. Шренка и А.Ф.Миддендорфа, определивших эпоху в этнографии нашего советского Дальнего Востока, вплоть до работ А.Я. Штернберга и исследователя искусства сибирских народов С.В. Иванова, учёных не перестаёт привлекать удивительное богат-

ство старинной орнаментики племён Амура — нанайцев, гольдов, нивхов, гиляков, ульчей и других, её своеобразие и красота.

Одна из наиболее актуальных проблем — это проблема самобытности искусства и, в целом, культуры амурских племён, находившихся в бассейне одной из величайших рек земного шара - Амура. Реки, а тем, более такие, как Амур, пересекающий огромные пространства азиатского материка, издавна служили дорогами народов, средством связи между ними и их культурами. Народы Амура соприкасались в разные исторические эпохи с тюрками и монголоязычными племенами, с тунгусами Севера, палеоазиатами. Этнографическими и археологическими данными и историческими письменными документами засвидетельствованы их контакты, также с народами, заселявшими островной мир Тихого океана, начиная с Курильских островов, Сахалина и вплоть до более далёких областей. В первую очередь это относится к такому племени, как древнейшие обитатели Японских островов айны, чья историческая судьба и культура ещё во многом остаются загадочными.

На Амуре и в Приморье, как мы знаем, веками развивалась собственная государственность тунгусских по происхождению племён. Была собственная письменность, существовали свои литературные языки, собственная литература, в том, числе историческая. И в то же время носители этой высокой средневековой культуры находились в разнообразных связях с другими государствами — Кореей, Китаем, Японией, с государствами монголов и тюрков Центральной Азии.

При выявлении культурно-исторических корней искусства амурских народностей особое и весьма важное место принадлежит своеобразным наскальным изображениям в долине Амура и Уссури. Они образуют, пожалуй, самый яркий и характерный комплекс памятников древней культуры амурских племён, но вместе с тем столь же загадочный. И каждый новый образец этих удивительных наскальных изображений позволяет полнее и глубже понять эти памятники как источники по древней истории и истории культуры населения Амура, тем более, что на Амуре известно ещё очень немного местонахождений таких петроглифов. Во всяком случае, их несравненно меньше, чем писаниц, в соседнем Забайкалье.

Таковы, в первую очередь, самые обширные местонахождения наскальных рисунков на Амуре ниже Хабаровска в Сикачи-Аляне, а также в Шереметьево на Уссури. Большой интерес поэтому представляют ещё не нашедшие отражения в специальной литературе наскальные изображения вблизи Хабаровска, на реке Кия.

Место, где обнаружены петроглифы, находится на правом берегу притока Уссури — Кии, у так называемого «Чёртова плёса». Плёс этот находится в 8-9 км от моста через Кию по трассе (Хабаровск — Владивосток, у села Переяславка. Петроглифы расположены на скальных выходах у второго угла меандра изгиба реки Кии, на высоком правом её берегу. Около начала изгиба расположена усадьба георгиевского совхоза, у конца — село Екатеринославка. Недалеко от писаниц построена большая пасека.

Долина Кии в этом месте выглядит следующим образом. Правый берег представляет собой 1 речную, надпойменную террасу высотой около 20 метров, без развитой поймы, в некоторых местах вода подходит к основанию террасы. Левый берег (около рисунков) имеет луговую пойму, частично заливаемую водой. Первая речная терраса поднимается плавным откосом, используется под посевы. Около Екатеринославки и Георгиевки, где Кия не имеет развитой поймы на левом берегу, берега высокие, обрывистые, крутые. Обрывы песчаные. Левый берег покрыт травой, кустарником, небольшими скоплениями деревьев. В целом левый берег безлесный до далёких сопок. Правый берег зарос лесом, богат дичью.

Начиная от Георгиевки, река течёт с юго-востока на северо-запад между низкими, а на левом берегу заболоченными берегами. Около пасеки река упирается в высокий, скалистый берег и резко меняет направление на юго-запад. У этого поворота две скалы, первая высокая, почти во всю вышину террасы, заросшая лесом, вторая скала низкая (6-7м), но длинная (250-300м). На последней, от самого её начала и на протяжении около 100м имеются древние выбитые (кроме одного, выполненного охрой) рисунки. После этой скалы правый высокий берег отходит от русла реки. Около скал река образовала широкий, тихий плёс, называемый Чёртовым. Кия — река неглубокая, вода в ней чистая, течение спокойное.

Скала с рисунками сложена базальтом. Она отвесная, порой нависает над низким берегом Кии. У основания крутая осыпь, поросшая травой. Берег заболо-

ченный, кочковатый, поросший густой и высокой травой (осокой), в которой лежат отвалившиеся глыбы базальта. К краям высота скалы уменьшается до метра. Базальт тёмно-серый, шершавый, с глубоким вертикальными и наклонными трещинами. Из трещин вытекают минеральные растворы, оставившие на поверхности скалы осадок белого цвета. Этот осадок покрыл некоторые рисунки.

Рисунков на Кие немного. Но они настолько выразительны, что могут дать вполне определённое представление о содержании и стиле всего того идейного и художественного комплекса, к которому относятся. Расположены эти рисунки тремя группами. В первую группу входят рисунки №1 - личина, № 2 - фигура оленя, №3 - условный знак, №4 - знак в виде латинской буквы S, напоминающий змею, №5 - группа непонятных знаков, №6 - головы водоплавающей птицы, №7 - личина и №8 - знак в виде петли. Вторая группа изображений (№ 9 -11, 12) состоит из личин. Личины эти размещены компактной группой: сверху личина №12, под ней на одном уровне и рядом друг за другом выбиты ещё три личины - (№ 9, 10, 11). Отдельно, на значительном расстоянии от всех других расположены рисунки № 13 и 14. Рисунок № 1 выполнен, в отличие от всех других, красной краской. Это единственный, рисунок краской на нижнем Амуре. На нём изображена лодка. Рисунок №1-сделан в обычной для нижнего Амура технике, он выбит.

Первое место в серии рисунков на Кие принадлежит, бесспорно, личинам. Самая эффектная и наиболее тщательно выполненная из них личина №12. Очертания её правильные, овальные. Она окружена «сиянием» в виде коротких, прямых линий. Вверху эти линии прямые, вертикальные. Внизу они косые. Внутри личины, на её лбу выбита поперечная полоска в виде крыльев птицы. Ниже отчетливо обозначены тем же способом брови в виде двух соединяющих дуг. Дуги бровей переходят в длинный нос с узким переносом. Глаза переданы правильными и довольно широкими кружками. Ниже имеется нечто вроде усов широких и энергично загнутых кверху. На их фоне выбиты две симметричные ямки. Они напоминают ноздри, но расположены ниже носа. Под ямками видны две дугообразные полоски, повторяющих по расположению и форме «усы». Личина № 11,

представляет собой почти точную копию предшествующей, но лишь обеднённую деталями. Очертания личины такие же овальные. В лобной части у неё двойная дуга, напоминающая крылья птицы, распластанные в полёте. Брови дугообразные, нос длинный с узким переносом. Глаза даны в виде кружков с ямками внутри. Внизу выбита серповидная широкая дуга обращенная острыми концами вверх. Сияние отсутствует.

Личина №10, соседняя справа от одиннадцатой, сильно повреждена изломом скалы. Форма её овальная, овал личины яйцевидно сужен внизу. На широком, лбу личины две поперечные выпуклые полосы фона. Брови показаны в виде запятых, с кончиками, выгнутыми вверх. Глаза круглые, с ямками внутри. Внизу, на месте рта находится широкая серповидная дуга.

К личине № 10 вплотную примыкает личина №9 контуры её неправильно овальные. Внутри по середине две ямки. Они напоминают глаза. Над ними в верхней половине личины выбиты четыре поперечные полосы, слегка дугообразно изогнутые. В самом низу личины есть ещё одна узкая поперечная полоса, тоже дугообразная. Личина с одной стороны, справа, окружена «сиянием» - ореолом из коротких, линий.

Личина №7 имеет очертания в виде яйцевидного широкого овала. Овал оконтурен широкой полосой выбивки и разделён внутри на три малые окружности, каждая с круглыми ямками-пятнами внутри. Две верхние окружности - глаза, нижняя - рот личины. Нос личины длинный, в виде двух треугольников, соединяющихся вершинами. Такие же треугольники находятся под глазами над ртом. Возможно, фигура №8 связана по смыслу непосредственно с личиной, под которой эта фигура выбита.

Личина №1 самая большая по размерам среди всех других. Её высота 55см., ширина 45 см. Очертания личины овальные. Она обозначена двумя параллельными полосами, образующими, таким образом, не простой, как обычно, а концентрический овал. Снаружи, наверху овала, имеется пучок и трёх коротких полосок в виде трезубца. Внутри личины, вверху её, явно выступают большие круглые глаза из двух концентрических кружков и яму посередине. Под глазами, между ними, в верхней части личины помещается, ромб, заполненный внутри сим-

метрично расположенными крестообразно ямками. Ромб с обеих сторон окаймлён спиральями, прямые концы которые, опускаются вниз и образуют острый угол, разделяющий глаза. Огромные глаза личины окаймлены широкими двойными дугами, концы которых выгнуты к её краям. Нижняя часть орнаментального внутреннего заполнения личины, сожалению, пострадала от времени и не может быть восстановлена. В целом, при взгляде на это изображение создаётся впечатление овального широкого лица с огромными круглыми глазами, похожими на совиные, и щедро украшенным, узором лбом. На голове личины находится как бы рудиментарный головной убор из перьев.

Изображение животного (№2) сохранилось только частично. Отсутствует передняя часть, голова утрачена, туловище и ноги уцелели полностью. Туловище зверя короткое, спина слегка вогнута, брюхо выпуклое. Внутри туловище пересечено семью вертикальными полосами. Они могут означать рёбра или шерсть животного. Сзади показана пара ног. Спереди одна нога раздвоенная внизу. Сзади на туловище животного виден короткий хвостик типично олений. Как этот хвост, так и общий облик фигуры показывают, что изображён олень, скорее всего, лось.

Рисунок №6 изображает шею и голову водоплавающей птицы, гуся или утки. Шея широкая, дугообразно изогнутая, голова массивная, с большим округлённым, на конце клювом. Внутри головы оставлен просвет - часть не выбитого скального фона.

Рисунок №4 означает, скорее всего, змею. Он предельно схематичен, и его можно назвать не рисунком, а условным знаком.

Рисунок №3 состоит из кружка внизу и яйцевидного овала вверху, соединённых широкой полосой. Не исключено, что и этот, рисунок условно изображает пресмыкающееся - змею, в позе кобры перед нападением.

Рисунки №5 и 14 не имеют видимого изобразительного смысла. Они состоят из запутанных полос, сочетающихся с кружками. Часть рисунка №14 напоминает незаконченное изображение туловища животного.

Уже при первом знакомстве с петроглифами на реке Кия становится ясным, что они имеют ближайшее родство с наскальными изображениями Сикачи-Аляна,

а также Шереметьевских скал, первый общий для них сюжет - загадочные личины. Сходна и трактовка личин: и там и здесь личины имеют овальные общие очертания, на них видно «сияние» - ореол из коротких торчащих в стороны линий. Ещё одну общую их черту представляет, головной убор - пучок коротких линий. Личины оформлены внутри характерным образом: на лбу выбиты поперечные полосы, часто в виде двойных или простых дуг. Глаза показаны одинаково - кружками, а иногда есть и рот, переданный тоже кружком. Можно указать среди личин в Шереметьево и Сикачи-Аляне даже и прямые аналогии личинам с Кии, личины-двойники. Фигура оленя на Кие представляет такую же близкую аналогию своим двойникам в Сикачи-Аляне и в Шереметьево не только по сюжету, но и по характерным особенностям её трактовки. И там и тут мы видим аналогичную передачу рёбер поперечными полосами. Есть в Сикачи-Аляне и змеи, и условные, «нечитаемые» рисунки из полос, в которых можно встретить отдельные зооморфные черты. Не менее характерны для остальных двух важнейших амурско-уссурийских местонахождений фигуры водоплавающих птиц, уток или гусей, а может быть и лебедей. В Калиновке на нижнем Амуре есть и изображения лодок вместе с личинами.

Одним словом, перед нами проявления одного и того же художественного мировоззрения, один и тот же резко своеобразный художественный стиль - собственный очаг древней культуры амурских племён. Каково же его место среди всех других, известных нам сейчас художественно-культурных центров древности, каковы его отношения к искусству соседних областей и стран?

тем не менее остаётся фактом. Во всяком случае, они значительно ближе друг к другу, чем какие-либо иные памятники этого типа в Азии. В связи с этим особый интерес для нас представляет вопрос о смысле, о семантике енисейских личин. Как полагает Э.Б. Вадецкая, минусинские стелы с личинами изображают женщин, у которых на головах высокие шапки — «звероподобные головные уборы», украшенные большими рогами и ушами. Лица их раскрашены поперечными полосами, а на лбу изображён магический значок, «третий глаз». Если так, то енисейские личины представляют собой ближайшую аналогию тем маскам-изображениям и вместилищам духов, о которых говорилось выше. Можно пола-

гать, что это маски-изображения духов наполовину антропоморфных, наполовину Для ответа на этот вопрос наиболее существенное значение имеют, прежде всего, загадочные личины. Личины эти на Амуре и Уссури представляют собой резко своеобразное и специфическое художественное явление. Таких, как амурско-уссурийские личины, антропоморфных изображений нет ни в соседней сибирской тайге, ни среди сотен рисунков на скалах Якутии, Прибайкалья, Забайкалья. Нет их на скалах и по верхнему Амуру, начиная с Нерчинска, кончая Биробиджаном и даже ближайшими к Хабаровску районами. Так, например, на красочных писаницах по Онону, Шилке, Ингоде, Селенге, Чикою и Джиде тоже известны антропоморфные фигуры, даже десятки и сотни таких фигур. Но всё это фигуры полные, во весь рост, иногда «половинные» - без ног. Но всегда с туловищем. Здесь же мы видим, как правило, только лица, только головы, без намёков на туловище. Исключением из общего правила служат только две фигуры, высеченные на валунах Сикачи-Аляна, где крайне условно передано туловище, но в обоих случаях без рук и без ног. Всё же остальные антропоморфные изображения, которые можно отнести к наиболее ранним, архаическим, следует назвать именно личинами.

Слово «личина» - старинный русский синоним слову «маска», является здесь наиболее подходящим, уже по той причине, что из всей человеческой фигуры изображено одно лишь лицо и притом, в определённом, резко стилизованном виде. Стилизация эта такова, что более всего напоминает не живое лицо, а орнаментальную роспись или татуировку, призванную скрыть реальные черты и передать какое-то иное, условное содержание. Столь же своеобразны, характерные внешние детали амурских личин: их «сияние», а также головные уборы, нередко весьма пышные и замысловатые.

Всё это вместе взятое вызывает в памяти маски племён южных морей Тихого океана, а также Северо-Западной Америки и Алеутских островов. В таких масках выступали ряженные духами участники культовых церемоний преимущественно обрядов посвящений в таинства мужских союзов.

Отсюда следует, что странные личины амурско - уссурийских петроглифов,

в том числе вновь описываемые личины с реки Кия, являются изображениями такого рода личин-масок и что они и на самом деле изображают тех же духов, те же сверхъестественные существа, которых представляли в своих мистериях участники тайных мужских обществ и союзов.

Таким образом, эти личины могут служить косвенными свидетельством в существовании в древности такого рода общественного строя и подобных организаций у населения Амурского края. Вместе с тем, они дают оснований связывать их в первую очередь с обширным кругом тихоокеанских культур. Начиная с тлинкитов, алеутов и эскимосов на севере, кончая Индонезией, островами Фиджи и Новой Гвинеей на юге, иначе говоря, с теми областями где наиболее развиты были тайные мужские союзы, маски и связанная с ними мифология и искусство, в том числе причудливые маски духов. Такие связи могут быть прослежены не только на этнографическом материале, но и археологическом. Так, в неолите Амура обнаружены древнейшие образцы личин на глиняных ритуальных, по-видимому, сосудах. Это личины на уникальном сосуде из неолитического поселения у села Вознесенского на правом берегу Амура ниже устья реки Хунгари, против нынешнего города Амурска. Наиболее близкой аналогией таким неолитическим личинам Амура могут служить характерные для неолитической культуры дзёмон Японских островов личины-маски, украшающие глиняные сосуды, а также своеобразно стилизованные лица на глиняных антропоморфных статуэтках, представляющих характерную особенность инвентаря поселений эпохи дзёмон. Для неолита дзёмон на поздней его стадии характерна и сильна развитая спиральная орнаментика, во многом родственная амурской неолитической. Вместе со спиральной орнаментикой, так щедро представленной в амурском неолите, личины на петроглифах, а также на неолитической керамике из Вознесенки свидетельствуют о том, что в неолите и, вероятно, в более позднее время искусство древнего населения Нижнего Амура имело определённый «южный» характер.

Однако было бы неправильно объяснить эту связь искусства амурского неолита с другими культурами Тихоокеанского бассейна тем, что древние амурские племена заимствовали все эти элементы извне и в готовом виде.

Напротив, на них лежит чёткий отпечаток самобытности с самого начала и до конца. Так, нигде, ни на материке Азии, ни на островах Тихого океана, нет в таком, обилии подобных личин, как амурские, - столь сложных по их орнаментальному оформлению, с «сиянием». Это, несомненно, чисто местное по происхождению явление. В других местах, например на Японских островах, личины имеют с амурскими всё же только общее сходство, а в деталях совершенно различны.

Можно, следовательно, говорить о том, что в огромном тихоокеанском, ареале существовали общие социальные условия, способствовавшие развитию масок и их фантастически богатой орнаментики. Этими условиями были, очевидно, такие формы общественной организации, как тайные мужские союзы и общества, достигшие здесь, следовательно, более высокой степени развития по сравнению с тем, что было в таёжной Сибири.

Следует сказать в связи с этим и о конкретных функциях, которые такие мужские тайные объединения выполняли. Их мистическая сущность заключалась в ритуалах посвящения, в инициациях. Пройдя сложные обряды посвящения, мальчики и юноши становились взрослыми мужчинами, переходили на новую социальную ступень. Но вместе с тем мужские союзы выполняли и другую конкретную, практически существенную, задачу. Они терроризировали женщин, закрепляли господствующую роль мужчин в общине, тайные мужские союзы, следовательно, могут служить индикатором развития социальных отношений внутри первобытной общины по патриархальному пути.

В этой связи заслуживают внимания и не менее загадочные, чем наши дальневосточные личины, каменные изваяния окуновской культуры на Енисее, в которых видят изображения матриархальных божеств бронзового века. Изображения на этих изваяниях-стелах во многом обнаруживают неожиданное сходство с нашими амурскими личинами, на них точно так же имеются фантастические антропоморфные личины, окружённые сиянием. Внутри енисейские личины, как и амурские, расчленены поперечными полосами. У них иногда видны и очень сложные головные уборы, нередко нечто вроде рогов.

Конечно, полностью отождествлять енисейские личины с амурскими невозможно. Тем более, что на Енисее они во многих случаях имеют в основе не человеческое лицо, а бычью или, может быть, лошадиную морду. На это, кстати, впервые обратил внимание и сделал отсюда ряд интересных выводов якутский этнограф Г.в.Ксенофонтов. Но общее сходство енисейских личин с амурскими зооморфных (быков или коней), иногда женского пола, но не всегда и не обязательно женского. Поэтому вряд ли можно согласиться с таким, категорическим, как это имеет место в работе Э.Б. Вадецкой, отождествлением, этих личин и вполне реалистических культурных фигурок-идолов плодородия, «кукол» из могил Окуневского этапа на Енисее. При частичном совпадении в отдельных случаях те и другие имеют принципиально различный характер, несут различную семантическую нагрузку. «Куклы» остаются талисманом плодородия — и только, никак не более. Монументальные же каменные стелы, несомненно, имели иное назначение и, скорее всего, представляли собой, вместилища духов смешанной природы, связанные, возможно, с общественными ритуалами посвящения, с такими же тайными союзами мужчин, направленными против женщин, какие описаны этнографами. А личины на них изображают реальные маски, в которых ступали на тайных церемониях мужчины, изображавшие этих духов.

В целом же, как ни соблазнительна была бы мысль о прямом взаимодействии племён ранней поры бронзового века на Енисее с поздненеолитическими временами нашего "Дальнего Востока, сходство между енисейскими личинами амурскими антропоморфными изображениями следует объяснять действием давно известного закона конвергенции, а не культурными и этническими контактами. Но это несколько не уменьшает значения отмеченного совпадения для понимания той исторической почвы, на которой росли амурские личины. Напротив, этим сходство личин Енисея и Амура, разделенных тысячами километров, а может быть и тысячей лет, подтверждается та интерпретация смысла и социального их значения, которая дана выше.

Однако этим не снимается проблема культурных контактов амурских племён неолитического времени и эпохи ранней бронзы, т.е. того времени, которым всего вероятнее датируются амурские личины. Выше речь шла о контактах древ-

него населения Амура с населением соседних Японских островов, конкретно айнами, как наиболее вероятными носителями культуры Эзёмон. Такие же контакты у неолитического населения долины Амура существовали и с Севером, с таёжной областью Сибири, где обитали бродячие охотники тайги. В мифологии и культе последних центральное место принадлежало образу лося и связанными с ним охотничьими обрядами, имевшими целью размножение зверей, в первую очередь лосиного поголовья. Не менее важно было для лесных охотников обеспечить колдовскими средствами и успех охотничьего промысла. Изображения лосей на петроглифах Амура и Уссури, в том числе на реке Кия, показывают, что и здесь существовал охотничий культ лося. При этом на амурских петроглифах обращает на себя внимание такая же, как на многих таёжных петроглифах в Прибайкалье и Якутии, манера передачи внутреннего строения тела зверя, конкретно его рёбер, поперечными полосами. Эта мелкая, но специфическая по её характеру деталь амурских изображений лосей может быть результатом, прямого контакта таёжных племён восточной Сибири с их амурскими соседями.

Не менее интересно в этом, плане и изображение лодки, выполненное на Кие красной краской, техника выполнения рисунков красной краской характерна для рисунков бронзового века на Ангаре. Там же, на Ангаре, на писаницах Каменных островов обычны изображения лодок в той же манере, как и на Кие в виде дуг, усаженных сверху короткими полосками — схематическим обозначениями их экипажа, человечков. Из всего сказанного следует один общий вывод. Оригинальные петроглифы р.Амура и Уссури показывают, что в этой области существовал собственный мощный по тем временам, очаг художественной культуры, культуры самобытной в её основе и местной по происхождению, но вместе с тем, находившейся в разнообразных плодотворных контактах с культурами населения соседних областей азиатского материка и островов Тихого океана.

При этом в своей основе, по сравнению с художественной культурой своих ближайших северных соседей, заселявших таёжные области Сибири, искусство древних амурских племен имело определённый «южный» или, точнее тихоокеанский облик. Оно тем самым входило как компонент в обширную группу культур

племен, населявших эту область.

К какой конкретной этнической группе из числа известных нам в настоящее время следует относить эти древние племена Нижнего Амура, пока неясно. При всей близости их культуры к древней, айнской как полагают, культуры дзёмон в целом она имеет резкий самобытный отпечаток. И, конечно, ничто не даёт основания видеть на Амуре сколько-нибудь сильное влияние самийаинов. Напротив, имеются основания видеть в культуре дзёмон признак влияния исходившего с материка, из области племен амурского неолита.

Можно условно назвать аборигенов Амура в неолите «палеоазиатами», и разумеется, пока лишь только в общем, понимании этого слова, в том смысле который ему придавал Л.И. Шренк, вводя это слово в научную терминологию.

Однако бесспорно, что в любом случае создатели высокой для каменного века и оригинальной культуры амурского неолита внесли свой вклад в культуру, первую очередь искусство, современных амурских племен, как нивхи палеоазиатов, так и тунгусо-маньчжурских по их языковой принадлежности племен: ульчей, нанайцев и других их сородичей. Эти амурские племена, особенности нивхи-гиляки, следовательно, являются не только преемниками культурного наследия, но в какой-то мере и потомками аборигенного населения Амура, создавшего своё богатое и яркое искусство ещё в неолит судя по результатам радиоуглеродного анализа около пяти-шести, тысячелетий тому назад.

Особенность петроглифов-это тайна, которой окутана сама история их создания.

У петроглифов есть одна особенность — это тайна, которой окутана сама история их создания и истинное назначение. Можно только предполагать назначение того или иного рисунка, привлекая для этого факты этнографические, а также фольклор и историю.

Впервые сообщение об этих рисунках появилось в печати в 1966 году в статье члена "Географического общества СССР В. Яхонтова, с горечью и негодованием писавшего о разрушении наскальных рисунков в Сикачи-Аляне и на Кие в урочище «Чёртово Плеса». О рисунках на Кие он, в частности, писал «Излучина

реки — «Чёртова Плёса», - где находятся изображения, излюбленное место рыбаков. Рыба там ловится хорошо. Ближайший населённый пункт в четырёх километрах. Судя по всему, там живут вполне культурные люди. А вот, поди же ты! Все древние рисунки на скалам расстреляли. Из каждого изображения я выковыривал сплющенные дробины и пули. Одно изображение лица с символически протянутыми руками оказалось совсем, уничтоженным: груда осколков лежит под обрывом. А под фигурой оленя чья-то чёрствая душа начертила на память своё «драгоценное» имя Миша! Видно не перевелись ещё люди, которым, ничто не дорого» (В. Яхонтов, «Я посетил знакомые места», Тихоокеанская звезда за 28 октября 1966 года)

В 1967 и 1968 годах на киинских писаницах побывала дальневосточная археологическая экспедиция во главе с известными учёными-археологами с мировым именем А.П. Окладниковым и А.П.Деревянко. А первоначальное научное исследование на писаницах провёл учёный, археолог из Владивостока Ю.М. Васильев в 1966 году. Рисунки были вновь скалькированы (скопированы на бумагу), сфотографированы и им дано научное описание, определение.

Писаницы на Кие являются вторым, после села Шереметьевского на реке Уссури пунктом, где обнаружены наскальные изображения. Их здесь немного, всего 13.

В настоящее время рисунки находятся в ужасающем состоянии: желобки протёрты до исчезновения «скального загара». Избитые и затёртые, ясно видимые на тёмном фоне скалы, расстрелянные дробью, картечью и пулями, они жалобно смотрят на нас.

Хабаровскому краю удивительно повезло на наскальные рисунки, но не в отношении к ним. Если не принять мер к сокращению писаниц Чёртова Плёса, то может произойти непоправимое. Через несколько лет обрушится часть скалы с четырьмя рисунками.

Как же получается, что мы безжалостны не только ко всему живому, но и к неммым свидетелям прошлого?!

Библиография

Арутюнов С.Л. «О периодизации культур дзёлюн и яей, об айнах ко древнейшем населении севера Японских островов». СЭ, 1957,2.

Вадецкая Э.Б. «Древние идолы Енисея». Л-, 1967, стр. 38.

Иванов С.В.- «Материалы по изобразительному искусству народов Сибири 1 — начала 20 века». М.-Л., 1954.

Ксенофонов Г.В. «Пастушеский быт и мифологические воззрения классического Востока». Иркутск, 1929.

Окладников А.П. «Далёкое прошлое Приамурья. Очерки по древней средневековой истории Приморского края». Владивосток, 1959.

Окладников А.П. «Олень Золотые рога». М.-Л, 1964, стр. 131-161.

Окладников А.П.- «Поселение у села Вознесенока вблизи устья реки Хунгары: М., 1967, стр. 175-178.

Окладников А.П.. «Петроглифы Ангары». М.-Л, 1966, стр. 130.

Окладников А.П.. «Петроглифы Сикачи-Аляна». Владивосток, 1965, стр. 19.

Окладников А.П.. «Древние амурские петроглифы и современная орнаментика народов Приамурья». СЭ, 1959,2.

Памятники «седой старины».

Личные фотографии Поляковой М.Н.